

УДК 94 (575.2):81'272 (47)

**ПОЛИТИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ В ОТНОШЕНИИ
РУССКО-КИРГИЗСКИХ ШКОЛ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ**

О.Л. Сумарокова

Рассматривается один из главных принципов русификаторской политики Российской империи в Туркестанском крае на рубеже XIX–XX веков – развитие национальных языков наряду с мероприятиями по продвижению и упрочению позиций государственного языка.

Ключевые слова: Российская империя; Туркестанский край; киргизский язык; русификаторская политика; языковая политика; натуральный метод обучения языку; переводной метод обучения языку.

**POLICY LANGUAGE LOYALTY IN RELATION
TO THE RUSSIAN-KYRGYZ SCHOOLS IN TURKESTAN**

O.L. Sumarokova

The article considers one of the main principles of the Russification policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of XIX – XX centuries – the development of national languages, along with events to promote and strengthen the positions of state language.

Keywords: Russian Empire; Turkestan; the Kirghiz language; the Russification policy; language policy; natural method of language teaching; translation method of language teaching.

В связи с общественно-политическими процессами, получившими развитие на территории бывшего СССР на рубеже XX–XXI вв. и ознаменовавшими эпоху идентификации наций, пересмотр ныне независимыми государствами своей истории в имперский период обрел для большинства национально-значимый характер. Сформированный антиимперский нарратив стал, с одной стороны, источником вдохновения в поиске новых национальных идеологий с доминантой “свой – чужой”, с другой – прецедентом к фальсификации истории.

В странах Центральноазиатского региона предвзятое изучение общего с Россией исторического прошлого в наибольшей степени проявляется в утверждении исторически деструктивной роли русского языка в отношении языков национальных, начиная с периода становления в Туркестанском крае российской образовательной системы. В современных региональных исследованиях по истории киргизского языка вторая половина XIX – начало XX в. получили лаконичную маркировку как время, когда киргизский язык был подвергнут сильнейшему отрицательному влиянию

русского, будучи вытесненным из всех областей социальной жизни киргизского общества.

Предпринятая нами реконструкция одной страницы российско-киргизского культурного диалога в имперский период позволяет выдвинуть тезис о том, что выстраивая систему отношений с азиатскими подданными, создавая условия для их дальнейшей интеграции в общеимперское пространство, самодержавие создало “имперскую модель” трансформации традиционного общества в рациональное общественное устройство, согласно которой опора на сохранение и усиление традиционной модели национальной культуры, ядром которой являлся национальный язык, определялась как фактор государственной стабильности.

Вопрос о месте киргизского и русского языков в образовательной системе Туркестанского края возник в связи с началом реализации в 1884 г. в Среднеазиатском регионе в рамках Российской государственной языковой политики концепции русско-киргизских школ. Дуалистический характер этих учебных заведений, задуманных первым Туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом в проекте 1873 г., заключался в проведении

через них в киргизские кочевья идей российской государственности и культуры посредством русского языка, а также сохранения и развития киргизского наречия, носителями которого к 1872 г. были 1 038 000 человек, т. е. почти 2/3 всего населения указанного региона [1, с. 128].

Залогом формирования патриотических убеждений в гражданах, сближающим и роднящим каждого в стране с народом и отечеством, апологеты русского просвещения, безусловно, считали государственный язык – русский. О его месте в русификаторских проектах, ориентированных на Туркестанский край, наиболее комплексно было заявлено в труде известного русского этнографа XIX столетия М.А. Мировпиева – “О положении русских инородцев”. Выступая “могучим рычагом” [2, с. 74] в реализации имперского культуртрегерского проекта в Туркестанском крае, русский язык, по замыслу администраторов, должен был стать “могущественным средством” для “объединения разноплеменного и разноязычного населения государства” [3, с. 45–46].

За введение в курс русско-киргизских школ наряду с русским языком дисциплины “киргизский язык” ратовало большинство просветителей и политиков, несмотря на отсутствие киргизской национальной письменности и литературной нормы. Последнее обстоятельство было обусловлено, в первую очередь, тем, что на протяжении столетий в исламских школах – мектебе и медресе – единственных типах учебных заведений Туркестанского края, родные языки находились в абсолютном пренебрежении, поскольку считалось, что ребенку не трудно усвоить их в своей семье. Гораздо более важным считалось как можно раньше привить ребенку единый мусульманский язык – арабский. Мусульмане были уверены, что без его знания немислимо знание вообще, немислима никакая наука [4, с. 223].

И тем перспективнее на фоне языкового конфликта становилась усиливавшаяся к концу XIX в. тенденция к слиянию русских мусульман в единую исламскую нацию и формированию единого исламского языка “тюрки” – своеобразного тюркского эсперанто на основе модернизированной версии крымско-татарского языка, появление и распространение которого вело к стиранию границ между тюркскими языками, т. е. фактически к их исчезновению.

Данное обстоятельство шло вразрез с политическими интересами Российской империи в Средней Азии, а противостоять ему было возможно, лишь создав условия для формирования национальной идентичности своих среднеазиатских подданных, проистекающей из общности культуры,

истории и, главное, языка. А потому наряду с мероприятиями по позиционированию русского языка в Средней Азии, администрация Туркестанского края приступила к мероприятиям, направленным на повышение престижа киргизского языка в среде своих носителей, на разработку первой эталонной литературы по киргизскому языку, а также на создание собственно киргизского алфавита. Так, в проекте русско-туземных школ национальные языки народов Туркестанского края впервые обрели статус школьной дисциплины.

Центральное место в кругу рассматриваемых вопросов занимала проблема методологического свойства, однако в некоторой степени политизированная, состоявшая в определении целесообразности применения киргизского языка в обучении языку государственному. Вызванная по этому поводу широкая полемика обозначила в политических и просветительских кругах два лагеря – сторонников переводного метода обучения, предполагавшего использование киргизского языка в обучении русскому, и натурального, девиз которого звучал “Долой перевод! Ничего через перевод!” [5, с. 11].

На использовании последнего настаивало Министерство народного просвещения. В одной из его статей, вышедшей под названием “Государственный язык в инородческой школе”, общалось следующее: “Государство, в видах достижения важных политических целей, требует, чтобы инородцы, входящие в состав его народонаселения, выносили из школы прочные познания по государственному языку и прежде всего умение понимать и владеть живой его речью; а так как прежний переводный метод обучения не приводил в этом отношении к положительным результатам, то оставалось изыскать какой-либо новый способ обучения” [3, с. 45–46].

Разработка натурального метода применительно к обучению иностранным языкам осуществлялась, начиная с конца XVIII в., в трудах И. Зейленштекера, Э. Гаушильда, Ж.Ж. Жакото, Г.-Г. Оллендорфа, А. Гамильтона, У. Робертсона, К. Магера и в большей степени А.Ф. Лувье. Он успешно применялся в Алжире в арабо-французских школах с 60-х гг. XIX столетия. Специальный российский посланник А. Кочетов после посещения их резюмировал: “Результаты, достигаемые арабо-французскими школами, где употребляется натуральный метод, вполне удовлетворительны. На третий год дети уже порядочно говорят, читают и пишут по-французски, и в объяснениях на местном языке уже почти нет надобности” [6, с. 5].

В России натуральный метод преподавания иностранных языков практиковался в некоторых образованных семьях в 70-х гг. XIX в. Однако це-

лесообразность его применения в инородческих школах к концу XIX в. окончательно не была выяснена, так же, как и не было еще написано на русском языке ни одного дидактического руководства по данному вопросу. Тем не менее, в начале XX в. натуральный метод в России официально был признан Министерством народного просвещения единственно верным способом обучения коренных жителей Туркестанского края русскому языку.

Суть его состояла в том, чтобы, основываясь на принципе наглядности при посредстве особых дидактических приемов, не прибегая к помощи родного языка, “научить ребенка в пределах условий его жизни говорить, сознательно читать, прочитанное передавать в простом связном рассказе и правильно и толково писать” [6, с. 9]. Важно отметить, что предполагаемая методика не требовала от учителя знания природного языка учеников.

Позицию Министерства народного просвещения поддерживал директор народных училищ Сырдарьинской области Туркестанского края С.М. Граменицкий. Свою позицию он обосновывал “непроработанностью местных языков ни в научном, ни в литературном отношении” [7, с. 5]. Замена этих наречий татарским языком, по его мнению, противоречила бы интересам общегосударственным, следовательно, языком преподавания может быть только русский [8, с. 135].

На использовании природных языков детей в преподавании русского языка настаивали либерально настроенные педагоги и просветители, многие из которых в свое время сами проходили тернистый путь овладения государственным языком. Кроме того, что переводной метод обучения представлялся им наиболее удобным в техническом плане, он еще был своего рода проявлением педагогического гуманизма по отношению к ученикам. Инспектор чувашских школ Н.И. Золотников в “Вятских губернских ведомостях” (1861 г.) заявлял: “Мы поступаем не совсем человечно, усаживая вотского или черемисского мальчика за русский букварь, и потом заставляем задалбливать на чуждом ему языке молитвы, катехизис, историю и прочее” [9, с. 18].

Спустя какое-то время стало очевидно, что и натуральный, и переводной методы имеют свои недостатки. Занятия, основанные исключительно на переводе, были для детей скучны и утомительны. Но стараясь все объяснять наглядно, учитель зачастую выглядел на уроках глупо, а урок превращался в абсурд. “Если держаться строго наглядности, – анализировал ситуацию народный учитель П. Яковлев, – по натуральному, иначе естественному методу, учитель и ученики в классе должны пить, есть, лить воду, разбивать, кричать, орать,

плевать, шуметь, лаять, мяукать, спать, храпеть, пробуждаться, умываться, целоваться, болеть, лгать” [5, с. 12].

Выход из положения был предложен известным удмуртским педагогом, автором учебных и методических пособий по русскому языку И.С. Михеевым – объединить натуральный (наглядный) и переводной методы в “наглядно-переводной”. На основе чего им были составлены и выпущены в 1904 г. “Руководства к ведению разговорных уроков по русскому языку в инородческой школе”, а в 1905 г. – “Наглядный русский букварь для инородцев и первая книга для чтения и практических упражнений в русском языке для инородцев” [10].

31 марта 1905 г. в Санкт-Петербурге состоялось Особое Совещание по вопросам об образовании восточных инородцев под председательством тайного советника А.С. Будиловича. Пришло время, когда необходимо было оглянуться назад и сделать переоценку накопленного просветительского опыта, определив достоинства и недостатки системы русско-инородческих школ, отметивших в 1905 г. свое 35-летие. Краеугольный вопрос – использовать материнский язык при обучении русскому или нет – был однозначно разрешен. В докладе Н. Бобровникова была поддержана идея использования при обучении русскому языку в киргизских школах наглядно-переводного метода. Предложенная концепция обучения содержала следующие методические рекомендации:

“1. Не прерывать развития ребенка, которое совершалось в семье на природном языке, а, продолжая его в школе, вплетать в него, как новый, сильный и развивающийся элемент, язык русский.

2. Русский язык должен ассоциироваться как с природным языком детей, так по возможности и с непосредственными их восприятиями. Отсюда самое широкое (но не исключительное) место наглядному обучению.

3. Перевод и объяснение на природном языке учащихся отдельных русских выражений и целых статей должен допускаться на всех ступенях обучения” [11, с. 241–242].

Рекомендации Особого Совещания были учтены при составлении правил “О начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России”, утвержденных Министерством просвещения 31 марта 1906 г. [12, с. 3].

Несмотря на правительственные постановления, на практике главенствующим методом обучения русскому языку в русских классах русско-туземных школ неофициально был признан натуральный. Идеальным вдохновителем его в школах Туркестанского края стал директор народных училищ Сырдарьинской области С.М. Граменицкий.

Сторонниками его позиции были те русские педагоги, которые не владели местными языками.

В 1910 г. в Ташкенте было создано специальное совещание по русско-туземным школам. Оно приняло компромиссное решение: городским школам было рекомендовано работать по системе С.М. Граменицкого, а сельским, где русский практически не был распространен, – на родном языке.

В 1912 г. в Туркестан для инспекции народных (начальных) школ был командирован известный казанский педагог Н.А. Бобровников, преемник Н.И. Ильминского на посту директора Казанской центральной крещено-татарской школы. Осмотрев русско-туземные школы, работавшие на основе системы С.М. Граменицкого, он подверг резкой критике натуральный метод обучения русскому языку, назвав его “преступным ограничением сил и средств школы” [7, с. 39–40]. Выбор такого пути, по мнению Н.А. Бобровникова, мог быть оправдан только в том случае, “если мы стремимся в русско-инородческой школе к систематическому оглушению инородцев и, в связи с этим, к искусственному вызову в их среде реакции против такой школы, даже ненависти к ней” [9, с. 40].

Поиск рационального метода преподавания русского языка на протяжении полувека составлял предмет споров как в просветительских, так и политических кругах. Данная полемика на практике доказала факт того, что не всегда однозначной и последовательной политике Российской империи противостояли демократические тенденции передовой русской общественной мысли, направленные на сближение интересов людей различных национальностей, а также оптимизацию и гуманизацию учебного процесса.

В целом языковая политика, проводимая правительством в образовательном секторе среднеазиатского региона на рубеже XIX–XX вв., отличалась лояльностью и демократичностью. И русский, и киргизский языки были обозначены как инструменты формирования толерантной среды в киргизском обществе. Этот принцип, составлявший основу политики “надэтнической” консолидации народов Российской империи, успешно реализовывался в правительственных русско-туземных школах, несмотря на ряд имевшихся трудностей. Подобная практика может послужить хорошим примером цивилизованного приобщения совре-

менными независимыми государствами своих многонациональных граждан к государственному языку и покровительственного отношения к языкам национальных меньшинств.

Литература

1. Русский Туркестан: сб. изданий по поводу Политехнической выставки / под ред. Н.А. Маева. М., 1872. Вып. 1: География и статистика. 133 с.
2. *Мирописев М.А.* О положении русских инородцев / М.А. Мирописев. СПб., 1901. 519 с.
3. Государственный язык в инородческой школе // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1904. Седьмое десятилетие. Ч. CCCVLI. Ноябрь. С. 45–60.
4. *Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане: очерки быта туземного населения / Н.С. Лыкошин. Петроград, 1916. 415 с.
5. *Яковлев П.* Современные вопросы и нужды в деле просвещения инородцев: сборник статей по инородческому делу / П. Яковлев. СПб., 1907. 14 с.
6. Опыт дидактических указаний для начальных инородческих училищ, где преподавание ведется при посредстве русского языка. Казань, 1906. 33 с.
7. *Бобровников Н.А.* Русско-туземные училища, мектебы и медресе Средней Азии: путевые заметки / Н.А. Бобровников. СПб., 1913. 90 с.
8. *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана / В.В. Бартольд. Л., 1927. 256 с.
9. *Рождествен А.С.* Николай Иванович Ильминский и его система инородческого образования в Казанском крае / А.С. Рождествен. Казань, 1900. 238 с.
10. Наглядный русский букварь и первая книга для чтения и практических упражнений в русском языке для инородцев / сост. И.С. Михеев. Казань, 1905. 96 с.
11. Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / под ред. А.С. Будиловича. СПб., 1905. 366 с.
12. Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России. (Препровождены к Попечителю казанского учебного округа при предложении г. министра народного просвещения от 24 апреля 1906 г. за № 8409). Казань, 1906. 13 с.